

Глава 4. Прилипчивый комочек по имени Цзян Тан

В этот душный, гнилой, наглухо закупоренный сосуд вдруг проник тонкий сладкий аромат.

Он принёс с собой не только свежий запах трав и деревьев, но и живое существо, которого проклятая земля не знала уже тысячи лет.

Фу Линцзюнь подпирал голову одной рукой, а пальцами другой лениво постукивал по клинку. Чуть запрокинув голову, он втянул носом этот необычный, непривычный запах, принесённый ветром.

— Как они сюда попали? — спросил он.

Ветер тянуло издалека: сквозь разбитые окна и двери, через обрушившиеся павильоны.

Фу Линцзюнь посмотрел туда, за горное ущелье. Некогда великолепная бессмертная обитель Гуанлин теперь совсем обветшала. Горы обнимали этот заброшенный старый город, словно злобный скелет, прижавший к себе гниющее дерево. Всё здесь сгнило до предела.

И всё же на этой разорённой земле невесть когда вдруг появились бесчисленные светлячки. Они растекались по земле, как рассыпанные звёзды, то медленно собираясь в кучки, то в панике разбегаясь в разные стороны.

В эту запретную проклятую землю впервые ворвалась жизнь.

Сян Син посмотрел на рой светлячков и, чуть запоздало выговорив, сказал:

— Хозяин... кто-то... вошёл... в долину... Тяньбэй...

Красавец, лежавший на гигантском мече, медленно сел и чуть склонил голову набок. Его черты были глубоки, как омут. Теперь на дне этого омута тихо дрогнула рябь, и лицо ожило.

— Пойдём посмотрим.

Фу Линцзюнь поднялся с меча. В следующий миг меч Шифо уже лежал у него в ладони, а сам он плавно спустился на землю. Закинув клинок за спину, он зашагал к другой стороне ущелья.

Его шаги вспугивали светлячков, и они взмывали вверх, скользя в воздухе рядом с ним.

Хвостики светлячков мигали — яркие и хрупкие. Он хотел было протянуть руку и зажать одного, но чуткий огонёк ощутил убийственную ауру и тут же метнулся прочь.

В долине Тяньбэй Фу Линцзюня с головы до ног окутывали души погибших здесь несправедливо. Всё живое боялось его.

Фу Линцзюнь давно не видел подобной картины. Но он вовсе не настаивал на том, чтобы непременно поймать этих пугливых огоньков, и потому позволил им тревожно порхать вокруг и скрываться в развалинах дворцов и башен неподалёку.

В хорошем настроении он продолжал идти вперёд. Когда он пересёк половину мёртвого города, то увидел, что сквозь заслонённый небосвод всё же сочится тонкий луч света, падая на край запретной земли. Там росло огромное плодовое дерево, и просочившееся сияние заливало листву, отчего скрытые в ней алые плоды казались ещё прозрачнее и заманчивее.

Это был единственный свет во всей этой тусклой, мёртвой земле.

— Это он.

Сян Син туповато перевёл взгляд. В свете лежал белый зверёк. Правда, шерсть у него была слегка растрёпанной и грязноватой, уже не такой чистой, как вчера.

Он свернулся клубком и спал под деревом, а пятнистые блики, падавшие сквозь листья, делали его вид почти уютным.

Наконец у сладкого запаха, который всё это время приносил ветер, нашёлся источник.

Им были не плоды.

А этот белый зверёк.

Никогда прежде не виданный зверёк.

Размером примерно с ладонь, весь покрытый пушистым мягким мехом. Он спал, прикрыв большую часть мордочки хвостом, и только розовый носик торчал наружу, будто от него всё ещё тянуло молоком. Длинные мягкие уши свисали вниз, точно у обиженного кролика.

Он был чисто белым. Не только по шерсти. Даже по цвету души.

Фу Линцзюнь видел цвета душ всех людей. Пылкая горячность окрашивалась в красный. Печаль и слёзы становились холодно-голубыми. Коварство и нечистые замыслы — грязно-серыми. А ненависть, дошедшая до предела, густела до чернильно-чёрного...

Но такой чисто-белой души, как сейчас, он не встречал уже давно.

Помедлив, Сян Син спросил:

— Хозяин... убить... его?

Спящий зверёк, кажется, услышал их голоса и сонно зашевелился, выбираясь из сна.

Голодно. Очень голодно. Так голодно, что можно сожрать целого быка!

Проснувшись, Цзян Тан почувствовал, что сейчас, немедленно, в ту же секунду умрёт от голода.

Раньше он заметил вдали дерево, усыпанное красными плодами. Но, добравшись до него после стольких мучений, с горечью понял, что дерево слишком высокое.

Тёмно-коричневый ствол уходил в самое небо, а сладкие плоды прятались так высоко в кроне, словно росли прямо на облаках. Прыгал он низко, лазать по деревьям не умел, а когда попробовал сбить хоть несколько штук телом, то от одного удара чуть не рухнул, потеряв равновесие. Дерево даже не шелохнулось.

К этому моменту Цзян Тан уже голодал так, что в глазах темнело, а разум мутился. Услышав неподалёку шаги по траве и веткам, он, не раздумывая, изо всех сил перекатился вперёд и загородил человеку дорогу.

Чёрная одежда. Меч за спиной. Всё тело в крови.

Тот самый прекрасный мужчина, который прошлой ночью убил его преследователей.

То ли голод прибавил ему смелости, то ли лицо Фу Линцзюня было слишком обманчивым, но Цзян Тан совершенно не замечал скрытых в его взгляде десяти тысяч клинков и не чувствовал запаха крови. Обеими передними лапами он намертво вцепился в ногу Фу Линцзюня.

Внезапно повисший на нём зверёк почти ничего не весил, и всё же Фу Линцзюнь почувствовал себя странно неловко.

Сян Син настороженно подался вперёд, собираясь отбросить нахального зверька прочь, но тот был слишком маленьким. Фу Линцзюнь, похоже, решил, что Сян Син может ненароком его раздавить, и бросил на него предупреждающий взгляд.

Сян Син обиженно убрал руку.

— Отпусти, — холодно сказал Фу Линцзюнь зверьку и поднял ногу, собираясь уйти.

Цзян Тан не понимал ни слова, но он и вправду был слишком голоден. Если он сейчас же не добудет еды, то попросается с этим прекрасным миром. И потому из последних сил вцепился зубами в край одежды Фу Линцзюня, боясь, что тот уйдёт.

Молочные зубки зверька были такими слабыми, что он не смог бы разорвать даже кусок мяса. Возраст у него был ещё такой, когда в пору оставаться под материнской опекой.

Поэтому белый комочек, вцепившийся в одежду, держался из рук вон плохо. Стоило Фу Линцзюню приложить хоть немного силы, и зверька можно было бы сразу отшвырнуть прочь.

Фу Линцзюнь так и сделал.

Он чуть встряхнул ногой, и белый комочек сорвался, перекатился по земле и распластался мягкой белой лепёшкой.

Но комочек оказался на редкость нахальным. Его стряхнули, а он тут же снова полез обратно.

Да ещё и сделал выводы из предыдущей неудачи: решил, что двух лап недостаточно, и пустил в ход все четыре. Вся звериная тушка повисла у Фу Линцзюня на голени.

По-хорошему, он должен был разозлиться. Как вчера на тех учеников Цзэяна, у которых не было глаз на месте. Или как на людей, что уже долгое время без конца лезли в пределы Гуанлина. Обычно стоило кому-то подойти ближе, и он без колебаний убивал.

Но эта неизвестно откуда взявшаяся зверушка внаглую к нему прилипла, и, как ни странно, он не сердился.

Опустив взгляд, он посмотрел на пищавший у его ног пушистый комочек. Сквозь сапог от него исходило давно забытое, чужое тепло. От этого Фу Линцзюнь одновременно чувствовал неловкость и странное покалывание.

Но отнюдь не отвращение.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Цзян Тан пустил в ход весь свой арсенал: катался, липнул, ныл, снова и снова короткими лапками указывал на красные плоды в кроне, надеясь, что Фу Линцзюнь поймёт.

И тот действительно понял.

За тысячи лет в долине Тяньбэй не появлялось ни одного живого существа. Даже цветы и трава

здесь давно засохли. Он сам мог не есть, но это ещё не значило, что и зверёк не нуждался в пище.

Увидев, что у того глаза уже полны слёз, Фу Линцзюнь взмахнул рукой, и с дерева посыпались плоды, застучав о землю.

Цзян Тан тут же пришёл в неописуемый восторг.

Разжав лапы, державшиеся за сапог мужчины, он с радостным писком бросился к лежавшим на земле крупным плодам. Каждый был почти размером с его голову. Кожица оказалась плотной, но, когда он прогрыз её, сладкая ароматная мякоть внутри была нежной и мягкой, таяла во рту. Цзян Тан будто целиком провалился в бочку с мёдом и от счастья готов был в ней кататься. Только после двух плодов он немного замедлился.

Фу Линцзюнь молча смотрел, как Цзян Тан с жадностью ест, и лишь спустя некоторое время бросил Сян Сину:

— Пошли.

Как прежде он снисходительно терпел боязливых светлячков, так теперь позволил этому раненому зверьку ненадолго задержаться в своём мире.

Не до конца понимающий, что происходит, громила посмотрел сначала на хозяина, потом на зверька, который ел так вкусно, что слюнки текли, и в его медленном уме родилась одна мысль:

Неужели красные плоды и правда настолько вкусные?

И вот теперь уже ему не хотелось уходить.

Сян Син шагал, оглядываясь назад чуть ли не на каждом шагу, и украдкой облизывал пересохшие губы.

* * *

Цзэян. Тяньвэньхай.

— Глава семьи! Глава семьи, беда! У всех учеников, отправленных преследовать благого зверя, разбились жизненные духовные метки! — мужчина в бело-золотом боевом одеянии поспешно вбежал внутрь. Голос его заметно дрожал.

Вчера сбежал благой зверь. И вместе с ним пропала не только едва державшаяся на краю смерти зверушка, но и сокровище, от которого зависел врождённый талант младшего господина Сун к нынешнему совершенствованию. Глава семьи Сун Юнчжэн пришёл в ярость и тут же отправил несколько отрядов учеников на поиски.

Некоторые группы, ничего не обнаружив, уже рано утром вернулись в Тяньвэньхай. Не вернулись только два отряда.

Хозяин Зала Хранящихся Душ Сун Янь, ведавший жизненными метками всех учеников Тяньвэньхай, только сейчас заметил, что жизненные метки сразу двадцати пяти лучших внутренних учеников треснули одновременно. От испуга у него чуть душа не вылетела, и он поспешил донести об этом Сун Юнчжэну.

Сун Юнчжэн и без того в последние дни был измучен из-за состояния младшего сына. С таким трудом ему достался благой зверь, а тот вдруг исчез. До этого он ещё успел условиться с лекарем из секты Хуаньюнь: когда тот прибудет в Тяньвэньхай, поможет младшему сыну изменить судьбу вопреки небесам.

И вот теперь всё пошло прахом. Благой зверь пропал, большая часть вынудой кости судьбы тоже исчезла без следа, а в довершение всех бед двадцать пять внутренних учеников, преследовавших зверя, погибли все до одного.

Услышав доклад Сун Яня, Сун Юнчжэн сразу потемнел лицом. Вся его бессмертная величавость вмиг превратилась в настоящий огонь, готовый спалить всё вокруг.

Он с хрустом раздавил нефритовый талисман связи и сквозь зубы спросил:

— Когда это случилось?

Сун Янь, запинаясь, ответил:

— Э-это... это произошло прошлой ночью...

— Бесплезный мусор! Все вы бесплезный мусор! — Сун Юнчжэн яростно уставился на него.
— Последнее место, где рассеялись их духовные метки, — Гуанлин?

Сун Янь едва не рухнул на колени и ещё ниже опустил голову.

Тайком вытерев холодный пот со лба, он тихо спросил:

— Может быть... стоит отправить ещё людей разведать окрестности Гуанлина?

Чтобы вырастить двадцать пять внутренних учеников, любая бессмертная семья должна вложить чудовищные усилия и горы ресурсов. Потерять всех этих одарённых учеников за одну ночь — какое страшное поражение!

Лицо Сун Юнчжэна стало ещё мрачнее.

При мысли о том, сколько учеников за эти годы погибло от руки Фу Линцзюня, у него начинали скрипеть зубы от ненависти. Раньше они не могли ничего противопоставить этому демону и были вынуждены терпеть его расправы. Но даже после того, как его наконец заперли в долине Тяньбэй, приблизиться к Гуанлину всё равно оказалось невозможно!

Гуанлин был самой богатой духовными жилами бессмертной обителью на всём Северном Водном континенте. И ладно бы Фу Линцзюнь один захватил это место себе, так он ещё и постоянно враждовал с домом Цзэяна. Хотя в тогдашнем деле участвовал не только Цзэян, да и сама идея принадлежала не им, почему же именно их дом так и не смог отмыться и всё время оставался мишенью для этого демона?

— Не нужно. Когда придут люди из секты Хуаньюнь?

— Лекарь-бессмертный Линь сказал, что в ближайшие день-два.

Сун Юнчжэн тяжело выдохнул, взмахнул рукавом и снова сел.

— Пусть об этом разнесут весть. Лучше всего, чтобы об этом узнали почтенные господа всех пяти континентов... Да, и число погибших внутренних учеников объявите не двадцать пять, а несколько сотен.

Сун Янь, уже собравшийся уходить, застыл и нерешительно заметил:

— Но... у нас ведь нет таких потерь...

— Делай, как сказано.

Сун Янь почтительно ответил:

— Да.